

Доктор Е.С.Боткин

Что значит «баловать больных»?

Dr. E.S.Botkin

What does it mean “to indulge patients?”

«Нравственное развитие врача-практика поможет ему сохранить то душевное равновесие, которое дает ему возможность исполнить священный долг пред близким и пред родиной, что и будет обуславливать истинное счастье его жизни».

Проф. С.П.Боткин
(речь на Акте Академии 7 декабря 1886 г.)

Прежде всего, что значит — «баловать» кого-нибудь? Чаще всего вопрос этот — чисто педагогический. Очень часто близкие и посторонние упрекают родителей, что они балуют своих детей, — реже, что те или иные воспитатели балуют своих воспитанников. Нередко даже те самые родители и воспитатели, которые упрекают других в том, что они балуют детей, подвергаются таким же нареканиям со стороны третьих. Это было бы совершенно естественно, если бы являлось только следствием объективности сторонних наблюдателей, — но достаточно вслушаться в эти «суждения со стороны», чтобы убедиться в том, как редко они навеяны действительно объективным отношением к обвиняемым и их жертвам.

«Какие распушенные дети!» — справедливо возмущаетесь вы, видя, как семи-восемилетний мальчик с кулаками набрасывается на свою воспитательницу, а шестилетняя сестра его, разделяющая недовольство своего брата, усердно помогает ему частыми горстями песку. По беспомощности и слабому протесту несчастной осаждаемой вы ясно видите, что она совершенно не поддерживается родителями ее воспитанников. Такие родители говорят обыкновенно, что дети их еще слишком малы, что нельзя же с ними серьезно считаться, что вырастут они и переменятся, «не бить же их, в самом деле». Те же родители, однако, приходят в ужас, когда на их глазах шестнадцатилетний юноша грубо обрывает или отчитывает свою мать, женщину в годах и заслуживающую всякого уважения. «Как нужно было избаловать сына, чтобы из него выработался такой дерзкий мальчишка!» — восклицают они, не замечая, что сами растят такого же.

Другие родители и четырехлетним детям не позволяют никаких выражений недовольства или неповиновения относительно их воспитательницы, но, не желая стеснять детей в их естественном развитии, будут позволять им и в более старшем возрасте, не обращая внимания на присутствие посторонних, валяться на полу или на мебели, задира́ть ноги на спинку соседнего стула и т. д.

Третий тип родителей считает своим священным долгом вырабатывать из своих детей ученых обезьянок, ломая и уничтожая в них малейшее проявление индивидуальности, и в отчаянии, если их трехлетний ребятишка не подойдет подать ручку «тетке» и не шаркнет при этом ножкой.

Есть и такие, наконец, которые, желая вырабатывать в своих детях выносливость и силу воли, ежедневно подвергают их — именно с этой целью и вовсе не с карательной — телесному наказанию, с каждым днем усиливая его и достигая того, что пяти-шестилетний мальчик улыбается под ударами хлыста.

Эти крайние примеры, взятые прямо из жизни, соединены, разумеется, между собою бесчисленным количеством переходных ступеней и, отнюдь не имея целью исчерпать множество существующих педагогических взглядов, почти вовсе не касаются соответственного разнообразия педагогических приемов. Они с достаточной наглядностью, однако, доказывают всю степень произвола, проявляемого в вопросах воспитания родителями, а следовательно, и воспитателями. Последний переход, опять-таки поддерживаемый примерами самой жизни, является вполне естественным, если принять во внимание, прежде всего, неизбежное влияние, иногда даже давление родителей на воспитателей их детей, далее — невольную зависимость воспитателей от подобных же человеческих своих слабостей, которым подчинены сами родители, наконец, — и это едва ли не важнее всего, — то обстоятельство, что эти самые воспитатели все-таки дети своих родителей, произвольно применявших к ним ту или другую систему воспитания, следовательно, непременно в том или другом смысле воздействовавших на выработку их педагогических убеждений.

Итак, в суждениях о вопросах воспитания, как видно, трудно, чтобы не сказать — невозможно, искать объективности; понятно поэтому, что нельзя с объективностью определить и то, что значит баловать детей; что одни назовут баловством, другие, с таким же чувством своей правоты, сочтут за стро-

гость. Можно ли после этого говорить о возможности или невозможности, о дозволенности или недозволенности «баловать» больных с точки зрения педагогической?

Следует оговориться, что известный педагогический элемент в отношениях врача к больному совершенно неизбежен. Достаточно указать на весь ряд нервных форм, выражающихся или сопровождающихся ослаблением или полным отсутствием воли у больного. Здесь врач, несомненно, окажется более полезным своим педагогическим тактом и влиянием на общий строй жизни больного, чем самыми действительными внутренними средствами. Но в таких случаях совершенно неприменимо слово «баловать»: врач не балует больного, — как сказали бы иные, — предоставляя свободу его больной воле, а просто неправильно лечит его, поступает во вред ему, как поступал бы неправильно, предоставляя свободу больному желудку варить все, что его хозяину покажется вкусным.

Столь же мало справедливо обвинение, иногда предъявляемое врачам в том, что они балуют своих нервных больных, относясь к ним столь же внимательно, заботливо и ласково, как и к больным с физическими страданиями. Замечательно, что в подобных случаях обвинителями нередко являются ближайшие родственники и окружающие больных. «Вам хорошо, — пеняют они врачу, — вы побыли с ней час-полтора, побаловали и уехали, а нам потом за целые сутки никак не угодить на нее. Уж вы, пожалуйста, будьте с ней построже». Обвинение, оправдываемое только незнакомством с нервными болезнями, и требование, доказывающее смещение понятий строгого, точного исполнения предписаний врача с суровым отношением к больному.

Режим, вызванный болезнью, может показаться больному суровым, и строгое требование исполнения его, предъявленное врачом, тяжелым, но в самом отношении врача к больному никогда не должно быть жесткости; он никогда не должен забывать, что перед ним больной человек, нередко страдающий от своей нервной болезни не менее, чем другой — от физической, и заслуживающий поэтому сердечного и внимательного участия. Очевидно, что проявлять к нервным больным такое отношение — не значит «баловать» их, а есть лишь обычная обязанность врача, добросовестное исполнение которой облегчает выполнение иногда действительно нелегкого лечения и тем значительно способствует успешности его.

Если, однако, все напряженное внимание, которое подарил врач больному, самое щепетильное и особенно тщательное исследование его привело врача к убеждению, что он имеет дело с симуляцией, то он опять-таки не будет «баловать» больного, соглашаясь принять участие в этой симуляции или поддерживая его в ложном представлении о несуществующих страданиях, а будет прямо грешить относительно него и его окружающих. Как вывести много больного из ложного положения, в которое он себя поставил, — зависит всецело от такта врача.

К этой же категории случаев, в которых от врача требуется большой запас такта, а иногда и самообладания, приходится отнести различные прискорбные столкновения с больными и не страдающими расстройством нервной системы, но плохо ею управляемыми и не имеющими ясного или даже никакого представления о сложности медицинских знаний, о трудности врачебного искусства и о тяжести жизни и обязанностей врача. Проявляя в таких случаях уступчивость и излишнюю покладистость, врач тоже не «балует» больного, а поступает тем, что обязан, наоборот, свято хранить, — чувством собственного человеческого достоинства. Можно было бы привести немало грустных примеров, чтобы иллюстрировать только что высказанное положение и избежать всякого кривого толкования его, если бы они не относились к фактам, которые слишком тяжело лишний раз изображать буквами на бумаге. Недоразумения не должно быть, если оговориться, что здесь не было ни речи, ни мысли о выполнении чисто медицинских обязанностей или услуг, которые никогда не могут быть ниже врачебного достоинства, если они требуются для восстановления здоровья или для облегчения страданий больного.

Большое воспитательное, часто даже образовательное значение для больных имеют больницы. Здесь научаются многие из них правилам и чистоты, и гигиены в более широком смысле, и тому, что вредно, что полезно, как можно избежать иных заболеваний, что требуется, чтобы не ухудшить уже проявившуюся болезнь и т. д. Они приучаются строго исполнять правила учреждения, в которое они обратились за помощью, зная, что они направлены на их же пользу. Со своей стороны, учреждение обязано зорко следить за исполнением этих правил, так как нарушение их, если не вредно, положим, тому выздоравливающему больному, который его себе позволил, — грозит подчас покою или даже безопасности соседа.

Но какими же педагогическими приемами может располагать больница, если даже оговориться, что, как само собой разумеется, они вообще применимы исключительно к таким больным, которые или по роду своей болезни, или по степени наступившего поправления являются вполне ответственными за свои поступки?

Естественно, что больной, не признающий, например, прав собственности ни за больницей, ни за находящимися в ней больными, так же, как больной, нарушающий элементарные правила нравственности или решительно, несмотря ни на какие уговоры, отказывающийся соблюдать предписанный ему режим или лечение, подлежит, если только состояние его здоровья это позволяет, выписке из больницы.

Но такие явления представляются, по счастью, лишь редчайшими исключениями в больничной жизни, и огромное большинство больных, как бы малокультурны и малодисциплинированы они ни были, с уважением, доверием и признательностью относясь к своему врачу и к сестрам милосердия, не

только сами подчиняются склонить к тому же и тех немногих товарищей, которым поначалу это кажется излишним. Такое поведение больных является добрым откликом их чрезвычайно чутких душ на терпеливое и любовное отношение, встречаемое ими в больнице и вполне заслуженное ими в их тяжелой болезни после непосильных трудов и безотрадной жизни в самых неблагоприятных, часто удручающих условиях.

Можно ли после всего изложенного сказать, что, добросовестно исполняя свой священный долг относительно этих несчастных больных, относясь к ним со всею заботливостью, на которую мы только способны, с искренней сердечностью, в которой они так нуждаются, — можно ли сказать, что мы их этим «балуем»?

Иногда говорят, будто мы балуем больных, отдавая им слишком много времени. Но прежде всего, возможно ли это? Может ли врач когда-нибудь сказать, что он дал больному слишком много времени и не чаще ли нам приходится, спеша от одного больного к другому, более тяжелому, не додавать им времени? Ведь мало назначить лечение — нужно суметь провести его. Это еще легче выполнить в хорошо организованной больничной обстановке, которая значительно сокращает труд врача: ему достаточно вкратце пометить в скорбном листке новое назначение, достаточно сказать опытной сестре милосердия, что и когда надо сделать больному, — и он может быть уверенным, что ничто из этого не будет упущено; уходя, он оставляет больного на руках испытанных, знающих и преданных своему делу людей, которые найдутся, окажут помощь даже и в случаях неожиданного осложнения или угрожающей перемены в состоянии больного. Совсем не то, когда больной остается в своей домашней обстановке.

На чьем попечении оставляет его врач? Часто ли возможно поручить его заботам сестры милосердия, а тем более двух или трех, как того требует всякая сколько-нибудь серьезная или затяжная болезнь? Начать с того, многим ли больным доступна такая роскошь; далее — сколько больных, часто немало избалованных, решительно не терпят около себя во время болезни посторонних лиц и не допускают к себе сестры милосердия; наконец, как часто близкие больного наотрез отказываются передать заботу о нем чужому человеку. Несомненно, что иногда они оказываются самыми идеальными сестрами или братьями милосердия, но может ли врач на это всегда рассчитывать? И даже в этом лучшем случае, кто же, если не врач, научит окружающих больного необходимому за ним уходу? Врачу не только приходится составить точное расписание приема всех прописанных им лекарств, подробную программу всех своих назначений, но и предупредить обо всех необходимых предосторожностях, подумать о самых разнообразных мелочах жизни, быть может, составляющих самые невинные привычки больного при обычных условиях и являющихся вредными для него во время данного заболевания. Составить что-нибудь вроде списка вопросов пунктов, которые пред-

усмотрели бы все разнообразнейшие сочетания и комбинации, создаваемые жизнью, — нет, понятно, никакой возможности. Как ни применяется врач к пониманию, образованию и положению своего больного, он не в состоянии предугадать всех недоразумений и путаниц, которые иногда случаются, — можно даже сказать, и не так редко. Можно ли было, например, предположить, что больной крестьянин, которому врач указал на спине место для приложения горчичника, положит его не на кожу, а на свой тулуп? Мог ли врач ожидать, что назначенные им больному гимназисту ванны в 280 R. не будут выполнены только потому, что родители больного, правда, менее его самого образованные, тщетно добивались с помощью льда получить воду в 280 R. ниже нуля? Или возможно ли было подумать, что в семье, где сын учится в среднем учебном заведении и пользуется при надобности заботами правильно поставленного лазарета, температура тела будет измеряться стенным градусником? Все это примеры кричащие, не придуманные, однако, а взятые прямо из текущей жизни. Они с достаточной очевидностью доказывают, что нет подробностей в жизни и обстановке больного, которые могли бы казаться для врача слишком мелкими, ничтожными или неинтересными. Назначая тяжелому больному ванну, врачу приходится осведомиться, кто, где и как будет эту ванну делать: не все равно, тепло в ванной комнате, если она вообще существует, или холодно, находится ли она близко от комнаты больного, или после теплой ванны его заставят идти по холодному коридору, может ли он сам двигаться, или нужно, чтобы кто-нибудь положил его в ванну, и часто даже врачу приходится лично проследить, как переносит больной ванну, обертывание или что-нибудь подобное. А вопросы, касающиеся диеты больного? Какого обстоятельного знакомства с привычками и вкусами больного требуют они со стороны врача! Что значит у больного много есть или мало пить, как распределяет он свою еду и питье и какие изменения в этом отношении позволяет тот или иной обязательный для него образ жизни? Все это врачу необходимо знать, прежде чем назначить такой режим, какого больной может и обещает держаться, и выполнения которого врач может требовать.

Несомненно, что и несмотря на все старания врача, многое из назначенного им остается нередко невыполненным, — то вследствие мнительности больного, то по недостатку доверия с его стороны, то из-за разногласия между ним и его окружающими, но тяжело и больно добросовестному врачу слышать, что больной потерпел или даже мог потерпеть хотя бы малейший вред только потому, что окружающие не догадались спросить, а сам врач не успел или не подумал предупредить о какой-нибудь элементарной подробности.

Далее, расспрашивая больного о действии того или другого предпринятого лечения, врачу приходится затратить немало кропотливых стараний, чтобы не внушить невольно больному те ответы, которые врач желал бы услышать, и чтобы, с другой

стороны, не дать и больному жалобами преувеличенными или вовсе не соответствующими тому, что он испытывал, сбить себя с пути истинного — пути строго объективного наблюдения.

Значит ли после всего изложенного, что врач «балует» больного, если он не жалеет своего времени и терпения на долгие расспросы и переговоры с ним, и не стремится ли он при этом только возможно добросовестнее исполнить долг свой?

Такова степень сложности забот врача даже при условии существования у больного более или менее близких ему людей. А если он одинок? Если некому даже дать воды ему напиться, не только выполнять самый простейший за ним уход? Если он к тому же находится в такой обстановке, в которой болезнь его не только не может пройти, но должна почти неминуемо тяжело осложниться? Если он лишен и воздуха, и света, и нужного питания? Что же в таком случае делать врачу? Кто же, если не он, позаботится о больном и устроит или даже отвезет его в больницу? Но где же при такой безграничности врачебного дела еще возможность «баловать» больных?

«Баловать больных!»

Кого же и баловать, казалось бы, как не больных, так по- детски беспомощных и часто так по-детски милых?! Но до баловства ли врачу, когда у него едва хватает сил исполнить все, что он считает необходимым, — своим нравственным долгом относительно больного и его окружающих!

Отношение врача к окружающим больного тоже дает иногда повод к разговорам о том, что он «балует» их. Стоит, однако, только прислушаться к ним, чтобы убедиться, до какой степени и здесь суждения субъективны. Вследствие присущей человеческой природе любви и нежности к самому себе каждый считает за собой особое право на внимание, заботливость и снисхождение врача, и то, что больной или близкий ему человек относительно себя и своих признает лишь должным, примененное к другим он называет излишним баловством. Так, часто люди рекомендуют такое обращение с другими, какого сами никогда не потерпели бы...

Между тем забота врача об окружающих больного неразрывно связана с тем же основным стремле-

нием его к возможно большей успешности лечения. Ему необходима бодрость духа и свежесть сил у тех, кому он поручает своего больного, как для точного исполнения предписаний его, так — не менее того — и для поддержания в больном душевного подъема и веры в свое выздоровление — этих могущественнейших союзников врача в борьбе за человеческую жизнь. Нелегка задача врача в этом отношении при глубокой привязанности и сердечном отношении к больному со стороны его близких, но она еще безгранично усложняется, когда в семье больного царит печальный разлад. Значит ли тогда, что врач «балует» больного и его близких, если он старается поддерживать в семье мир и спокойствие, если он позволяет больному отводить с ним душу, делиться с ним его горем, если он по мере сил пытается утешить, успокоить его и отстранить от него новые заботы и огорчения?

Знакомство с душевным миром больного врачу не менее важно, чем представление об анатомических изменениях и нарушении физиологических функций тех или других клеточек его тела, и уж, конечно, не путем холодных, официальных допросов приобретет он его, а лишь в терпеливой, искренно участливой и дружеской беседе с больным, помощью самого сердечного к нему отношения. А как часто все физические недуги больного оказываются лишь последствием или проявлением его душевных волнений и мук, которыми так богата наша земная жизнь и которые так плохо поддаются нашим микстурам и порошкам. Если такой больной с доверием прибегнет к врачу и как духовнику принесет ему все стоны своей души, — не больной, но либо не в меру чувствительной, либо не по силам затравленный, либо просто загнанной и забытой, — а врач, чтобы не «баловать» его, остановит его и, назначив лечение, отпустит, не даст ли он этим голодному камень вместо хлеба?

Но добросовестный врач и не может так поступить: он, как истинный друг, выслушает пришедшего к нему, войдет во все мелочи бед его, поможет ему устранить их, поднимет дух его и поддержит тело его. Врач знает, что он этим не «балует» больного, а исполняет лишь священный долг свой.